

И.В. Утехин
Санкт-Петербург

О бытовом ограждении

Боже вас сохрани заглядывать дамам под шляпки!
Н.В.Гоголь. Невский проспект.

По удачному выражению Филиппа Дескола, «нет ничего более относительного чем здравый смысл, особенно в том, что касается восприятия и использования обитаемого пространства».¹ Разнообразие культурно-специфичных вариантов организации пространства жилища и жилой среды не является новостью для антрополога: в этой области его наука накопила множество описаний, интерпретаций и инструментов анализа.² Предлагаемые заметки опираются на наблюдения над одним из типов жилища в советской и в современной русской городской культуре и имеет целью осмыслить один из инструментов интерпретации, который используется социологами, историками и антропологами, а именно понятие приватности.

Хотя в общественных науках более, чем в других сферах, цеховые нормы приветствуют порождение текстов, в которых о хорошо знакомых и вроде бы понятных с точки зрения здравого смысла вещах говорится умными словами, в данном случае дело, кажется, не сводится к словесной эквилибристике. И не только потому, что «здравый смысл» бывает разный.

Анализируя стереотипы поведения людей в условиях коммунальной квартиры, когда пространство их жилища более прозрачно, а осведомленность соседей о жизни друг друга выше, чем обычно у жителей отдельных квартир, мы используем, в частности, такие вполне понятные категории как, например, *зависть*, *хвастовство*, *собственность*, *чужое*, *подслушивать*, *сплетничать*, *смущение*. Этими словами пользуются и носители изучаемой культуры, чтобы осмыслить свои собственные поступки и поведение других.

Выстраивая систему понятий (в каком-то смысле аналогично тому, как лингвист описывает систему языка, выводимую им из доступных ему текстов), мы предполагаем, что эти понятия как-то связаны между собой и принадлежат одной системе. Ее устройство, скрытое, кстати сказать, от самих пользователей этой системы, нам и хотелось бы описать. На помощь исследователю здесь приходят готовые инструменты: понятие приватности. Понятие это, в терминах К.Гирца, относится к разряду «удаленных от опыта», потому что непосредственно переживать какую-то там приватность участник исследуемой культуры не способен. Нет в его лексиконе и подходящего слова. Тогда как вполне

---

¹ *Ph.Descola. Par-delà nature et culture. Paris, Gallimard, 2005 – p.59.*

² В отечественной традиции образцовой работой в этой области является книга *А.К.Байбурин. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л, Наука, 1983.*

епосредственно переживаемые и называемые знакомыми словами зависть, хвастовство, чужое и т.п. относятся к числу категорий, приближенных к опыту.³

Причастный западной культуре исследователь тут опирается, среди прочего, на собственную языковую и культурную интуицию, ведь в английском *privacy* широко употребляется не только в юриспруденции или дизайне, но и в обыденном языке. В принципе, объемы понятия научного и понятия туземного могут быть близки друг другу, то есть отсылать к одной и той же или близкой сфере реальности (похожая ситуация, скорее всего, имеет место при попытке интерпретировать туземные представления о доле – например, в терминах «ограниченного блага»); однако будучи элементами разных систем, туземные и научные понятия несводимы одно к другому и всегда разнятся по своему содержанию.

Подобные *приватности* абстрактные существительные на *-ость* вообще создают иллюзию, что что-то такое абстрактное действительно существует. Это опасная иллюзия, всегда требующая от добросовестного исследователя, в случае положительного решения (т.е. когда полагают, что эта **-ость* все-таки существует), ответа и на следующий вопрос: где, у кого и как она существует. Менее опасно – правда, увы, и менее удобно – пользоваться субстантивированными прилагательными в немецком духе, вроде *приватное*. Тем более что противопоставление приватного публичному (например, в социологическом обсуждении пространства) и публичной сферы – приватной довольно распространено. Ниже мы будем, однако, использовать слово *приватность* и попытаемся определить, в какой степени это понятие актуально для носителей исследуемой культуры. Уже и в первом приближении, конечно, актуально, ведь и собирая информацию, и публикуя примеры мы, безусловно, нарушаем приватность людей, которые служат нам информантами и которых мы наблюдали в ходе полевой работы; ощущение неудобства и нарушения границ здесь с обеих сторон и требует, с обеих сторон, специальных жестов и приспособлений на разных этапах работы. Так, скажем, на этапе публикации настоящие фамилии и адреса в наших примерах не называются. Однако из материалов⁴ очевидно и то, что эта актуальность какая-то особая, или представления о приватности устроены особым образом, или же, хотя это едва ли возможно доказать, иначе организованы представления о личности.

В самом общем виде не подлежит сомнению, что возможны различные культурные нормы неприкосновенности личности и отдельных ее аспектов. К этим аспектам относятся тело – его внешний вид и связанные с телом функции и отправления, но также территория, имущество, мысли, переживания человека и информация о нем, которую он не желал бы делать общим достоянием. Устройство артефактов – от одежды до жилого интерьера и организации застроенного

---

³ Об этом различии см. С. Geertz. “From the Native’s Point of View”: On the Nature of Anthropological Understanding. // С. Geertz. Local Knowledge, New York, Basic Books, 1983, p. 56-57

⁴ Значительная часть материалов – видеозаписей, фоторафий, разного рода документов – будет представлена в виртуальном музее по адресу <http://russian.cornell.edu/komm/>

пространства – воплощает в себе представления о приватности, принятые в данной культуре. Это и заборы, стены, ширмы, окна и двери, и занавески на окнах, замки и задвижки на дверях. Они не дают другим людям (особенно – чужим людям) вторгаться на территорию, которую я чувствую своей, и получать информацию обо мне. Похожим образом работает и конверт, не позволяющий кому угодно прочитать мое письмо. Но подобную же роль играют, в частности, правила хорошего тона и вежливости, запрещающие подглядывать и сплетничать, а также юридические установления — например, мое право не свидетельствовать против себя на допросе, тайна исповеди или врачебная тайна.

Отметим, что окна и двери, оформляющие границы помещения, могут получать и другое, прямо противоположное отмеченному значение. Так, фасадные окна в голландской культуре могут служить не только для взглядов изнутри наружу, но и для показа интерьера любопытствующим прохожим.⁵ Ср. также из описания особняка на Дворцовой набережной в повести о капитане Копейкине: «стеклушки в окнах, можете себе представить, полутора-саженные зеркала, так что вазы и всё, что там ни есть в комнатах, кажутся как бы внаруже: мог бы, в некотором роде, достать с улицы рукой».⁶ Разницу же между значением дверей, открытых и закрытых, в Германии и в Америке описывал Э.Холл.⁷ Таким образом, точнее будет сказать, что упомянутые культурные приспособления призваны не изолировать и ограждать, а помогать контролировать доступ к информации, имеющей отношение к личности, и тем самым поддерживать ее «лицо». В каком-то смысле это подобно двери, не только изолирующей одно помещение от другого, но и дающей кому и когда нужно возможность пройти.

Как можно предположить, формы поведения и приспособления, которые непосредственно связаны с приватностью, направлены

- на то, чтобы не получать информацию о других (что-то вроде постулата «не подсматривай»);
- на то, чтобы не распространять известную информацию о других («не сплетничай»);
- на то, чтобы не распространять информацию о себе (так сказать, средства скромности: «не хвастайся»);
- на то, чтобы препятствовать другим узнать что-то о тебе (так сказать, средства скрытности: «не давай возможности подсматривать за тобой»).

Вполне очевидно, что эти постулаты являются не прямым руководством к действию, а ориентиром для осмысления поведения; на деле они постоянно нарушаются. Но ведь, скажем, хвастовство и выпендрож заметны не сами по себе, а только на фоне нормативных ожиданий скромности. Отсюда и возможность

---

⁵ В одной недавней статье показано, как делающие свои окна своеобразными витринами голландцы противопоставляют себя иммигрантам, задерживающим шторы (*H. van der Hoorst, J. Messing. «It's Not Dutch to Close the Curtains» // Home Cultures, Vol. 3, No.1 (March 2006), p. 21– 37.*

⁶ *Н.В. Гоголь. Мертвые души / Собр. худ. соч. в пяти томах. Т.5. М, АН СССР, 1959. – с.287.*

⁷ *E.T. Hall. The Hidden Dimension. New York, Anchor Books, 1969.*

отнести к опосредованно связанным с приватностью и разные формы поведения, которые направлены не на подавление, а на распространение информации.

Хотя мы и начали с указания на артефакты, оформляющие физические и символические границы в пространстве, пространственная метафорика здесь не всегда работает, и даже там, где она, казалось бы, применима, статус пространства (грубо говоря, «приватное» оно или «публичное») и границы его зон зачастую не вполне определены заранее. Вероятно, более продуктивно понимать приватность как результат интерпретативной деятельности, в том числе и во взаимодействии с другими людьми – в частности, как результат постоянной и незамечаемой совместной деятельности людей по конструированию и поддержанию своего и соседского «лица» (в понимании, восходящем к И. Гоффману⁸) и, среди прочего, по определению актуального статуса тех или иных зон пространства. Все эти рассуждения носят весьма общий характер и молчаливо предполагают, что приватность есть некая универсалия. Что же конкретно ассоциируется с личностью и входит в категорию приватного, определяется культурно-специфичным устройством «лица» и личности.

Наряду со словом обыденного языка, понятие приватности, подразумевающее право на контроль за доступом к информации о личности, применяется в юриспруденции в тех обществах, где неприкосновенность личности рассматривается как ценность и это закреплено в законодательстве.⁹ В русском языке до самого последнего времени не было слова «приватность», хотя формально в законодательстве имелись соответствующие нормы (например, о неприкосновенности жилища и личности). Сегодня это слово используется преимущественно в юридической сфере, но не в разговорном языке. Однако прилагательное *private* на русский всегда можно было перевести — либо как *частный*, либо как *личный*. В XIX веке было, впрочем, и *приватный* как калька с французского – в частности, противопоставлении общему и *казенному*. Так, например, закусанный клопами Хлестаков в «Ревизоре», соглашаясь на приглашение городничего остановиться у него, говорит: «Мне гораздо приятнее в приватном доме, чем в этом кабаке» (Действие II, Явление VIII); ср. также о поручике Пирогове, который прибыл к жене немца Шиллера «совершенно как частный, приватный человек в сюртучке и без эполетов»¹⁰, т.е. не в форме, а в штатском.

В современном разговорном русском жалоба на отсутствие приватности, например, в общежитии, куда нельзя пригласить гостей так, чтобы никто об этом не узнал, может выглядеть как жалоба на невозможность «личной жизни» (т.е. интимных отношений).¹¹ Между тем, знаменитый пятитомный труд французских

---

⁸ Например, *E. Goffman. Interaction Ritual. New York, Anchor Books, 1967.*

⁹ Эта проблематика активно обсуждается в наши дни в связи с распространением новых информационных технологий и возникновением новых форм надзора и контроля за жизнью граждан со стороны властей.

¹⁰ *Н.В. Гоголь. Невский проспект // Н.В. Гоголь. Собр. худ. соч.: в 5 т., т.3, М., 1959, с. 54.*

¹¹ Такая жалоба в далекие советские времена могла быть адресована и самому главному человеку в стране. Так, например, одна гражданка, измученная

историков, посвященный эволюции приватности как культурного явления, по-русски будет скорее всего озаглавлен «История частной жизни».¹²

В русском языке советского периода прилагательные *личный* и *частный* противопоставлялись: *частный* имело отрицательную коннотацию (как противопоставленный общественному), а *личный* было нейтральным. Так, в советском обществе «личная собственность» допускалась, а «частная собственность» если не вовсе запрещалась, то ограничивалась. Например, порицалась «частная собственность на средства производства». В той мере, в какой квартира, машина и дача являлись предметом потребления, удовлетворяющим личные нужды владельца, они трактовались как личная собственность, но перешли бы, вероятно, в разряд порицаемой частной собственности, если бы использовались для получения выгоды. Владелец такой собственности был бы *частник*. Собственность на средства производства в социалистическом обществе, как предполагалось, должна быть общественной.

Как мы пытались показать,¹³ приватность в коммунальном быту – предмет постоянной, даже болезненной озабоченности. И если нужно было выразить соответствующий смысл, то понятные адресату слова, подходящие по контексту, всегда находились. Так, например, в одной жалобе один гражданин жалуется К.Е. Ворошилову как раз на недостаток приватности: он живет в одной комнате со своей бывшей женой, с которой они развелись, и с дочкой-школьницей. Он хочет выгородить себе в комнате свой угол, построив перегородку, но бывшая супруга всячески препятствует этому. В жалобе он пишет о желательности «бытового ограждения».¹⁴ Получается, таким образом, что гражданин всегда мог сформулировать проблему, указав на покушение на свое имущество, оскорбление своей личности или, скажем, вторжение в свое жилище. Однако при этом он не ссылаясь ни на какую общую потребность, уже хотя бы потому что для обозначения этой потребности (и этого права) личности у него в запасе не было особого слова. А это может свидетельствовать о том, что общество как бы не признает такой необходимости, не видит и важности этого предмета.

Теснота не оставляет личностям практической возможности не соприкоснуться. Поездка в набитом вагоне метро в час пик заставляет людей вторгаться в приватное пространство друг друга, но жертвы и вторгающиеся, в общем случае, ведут себя так, как будто «в этом нет ничего личного». Они выйдут из вагона и никогда больше не встретятся. По отношению друг к другу они выказывают то, что И. Гоффман называет *civil inattention* – проявление этикета при встрече незнакомых людей в публичном пространстве. В отличие от (также

проживанием в одной комнате со своей свекровью, писала Н.С.Хрущеву: «мне пришлось обратиться лично к вам, и я очень прошу Вас Никита Сергеевич вмешаться в мою личную жизнь и помочь мне» (ЦГА СПб, Ф. 7384. Оп. 37. Д. 2065).

¹² Ph. Aries, G. Duby. Histoire de la vie privée, T. I-V. Paris, 1999.

¹³ И. Утехин. Очерки коммунального быта. М, 2004.

¹⁴ Подробнее об этом случае см. в нашей статье: И. Утехин. Происки постороннего (Из материалов по жилищному вопросу) // Образ врага. Сост. Л.Гудков. М, ОГИ: 2005: с.230-247. (Нация и культура? Новые исследования).

проанализированной Гоффманом) ситуации, когда с детьми, прислугой, неграми или, скажем, психиатрическими пациентами ведут себя не как с полноценными личностями (в частности, их совсем не стесняются), здесь участники замечают присутствие друг друга и не делают вида, что не увидели друг в друге человека. Однако увидев и показав это другому, не задерживают своего внимания (собственно, чаще всего это взгляд друг другу в глаза) дольше, тем самым выражая, что не стремятся ни к общению, ни к тому, чтобы его избежать¹⁵.

Люди, которые живут в одной квартире, встречаются каждый день на кухне и в очереди в ванную. Они вынужденно вовлечены в личные отношения хотя бы и в публичном пространстве, что окрашивает и их вторжения в приватность друг друга. Рассмотрим один пример, иллюстрирующий актуализацию представлений о приватном. По сути дела, речь идет о попытке одного соседа навязать другим свои представления о границах приватного и публичного пространства – и границах допустимого поведения.

Осенью 2006 года в одной коммунальной квартире среднего размера в историческом центре Санкт-Петербурга в ванной появилось объявление, написанное на обратной стороне картонки от блока сигарет Winston Lights. В рамке, нарисованной оранжевым фломастером, черной ручкой красивым почерком был начертан буквально следующий текст: «Дамы и господа! Просьба не вывешивать на веревки предметы нижнего туалета (трусы и пр.) Можно сушить в комнате на трубах и батарее. У нас не рабочее общежитие и не колхоз, а квартира в центре Санкт-Петербурга.»

Автора объявления нельзя было не узнать по жанру и по почерку. Эта пожилая женщина, дольше всех живущая в этой квартире, несколько раз уже обращалась к квартирной общественности и к отдельным ее представителям при помощи рукописных объявлений и посланий. Едва ли ее, впрочем, можно назвать старожилом: она оказалась здесь уже в постсоветские времена. Существенно, впрочем, вот что: она здесь живет постоянно и является владельцем приватизированной комнаты, тогда как адресаты послания – студентки, снимающие в этой квартире комнаты. Поэтому, кстати сказать, обращение «дамы и господа» обращено, на самом деле, только к «дамам»: господ в квартире нет. Поскольку адресаты послания – всего лишь временные соседи, в соответствии с традиционными коммунальными представлениями, постоянные и давно здесь живущие люди чувствуют себя хозяевами и дают им указания и советы. Тем более, когда они владеют приватизированной комнатой.

Призыву «не вывешивать» придана форма просьбы, где автор не занимает позицию подлежащего в предложении и остается не назван. Это способствует впечатлению, что просьба исходит не от конкретного жильца, а от некоей безличной, но авторитетной инстанции, следящей за порядком.

Словосочетание «предметы нижнего туалета», обозначающее столь взволновавший автора объявления объект, представляет собой результат окказионального сплавления *предметов туалета* и *нижнего белья*.

---

¹⁵ E. Goffman. Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings. N.Y.; L., 1963, p. 83—89 (Chap. «Face Engagements»).

Фактически, автор объявления не признает за адресатами права помещать нечто, имеющее отношение к «приватному», к интимной сфере, в публичном пространстве мест общего пользования. Надо сказать, что вообще вывешивание белья на веревках в ванной обычно ни у кого не вызывает нареканий. Специфика коммунальной квартиры, в частности, в том, что неродственники, «чужие» друг другу люди становятся до некоторой степени «своими», т.е. перестают стесняться друг перед другом. И уж во всяком случае белье на веревке не оказывается причиной недоразумений и обвинений в некультурности (а именно по признаку культурности противопоставляет автор объявления квартиру в центре Петербурга и колхоз).

Как раз наоборот, некультурным и нескромным может представляться вывешивание нижнего белья на просушку в жилой комнате, ср. такой примечательный аргумент: «сюда же гости приходят!» Хотя гости заходят и на кухню, и в ванную, в отличие от «приватной» комнаты ни кухня, ни ванная не ассоциируются с личностью конкретного человека, и поэтому повешенное здесь белье не вызывает неудобства перед гостями. В конце концов, гости же не знают, чье это белье – в отличие от соседей.

Жест автора послания по своему содержанию оказывается попыткой переопределить статус фрагмента публичного пространства, т.е. как бы «приватизировать» это пространство в свою пользу наперекор обычаю. Этот жест выражает личное отношение автора к адресатам: временные жильцы не могут быть в достаточной степени «своими», чтобы их не стеснялись и чтобы они сами не стеснялись других. Однако по своему духу это отношение и этот жест вполне отвечают коммунальным традициям борьбы за право интерпретировать нормы и границы.

Таким образом, в этом примере можно увидеть, что сюжеты, связанные с приватностью, оказываются здесь и на поверхностном уровне («предметы нижнего туалета»), и на глубинном, содержательном уровне (конфликт, в сущности, не о трусах, а о границах и статусах). Этот глубинный уровень, однако, лишь реконструируется нами и никогда не выражается в поведении в явном виде: внешне скандалы совсем не об этом, а по какому-то мелкому конкретному поводу.

Возможно трактовать приватность как нечто аналогичное «скрытой категории» в грамматике (в терминах Б.Уорфа).¹⁶ В языке такая категория не имеет внешнего выражения в морфологических показателях, но проявляет себя, например, в сочетаемости. В свете этой аналогии приватность оказывается категорией, принадлежащей глубинному уровню целого кластера стереотипов поведения и определяющей мотивации поступков деятелей¹⁷.

Другой вариант интерпретации состоит в том, чтобы признать, что понятие приватности принадлежит лишь набору исследовательских категорий, тогда как в

---

¹⁶ О «скрытых категориях» см. В классической статье: *Б.Л. Уорф*. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. с. 44-60.

¹⁷ На представление о глубинной и поверхностной структуре стереотипа поведения опирается, в частности, А.К.Байбуурин (см.: *А.К. Байбуурин*. Ритуал в традиционной культуре. СПб, 1993, с. 9).

исследуемой культуре ее «коммунальная» ориентация вкупе с патерналистскими и авторитарными аспектами этого общества способствовала таким представлениям о личности, которые не уделяли большого внимания ее неприкосновенности, автономности, свободе. Соответственно, набор стереотипов и норм поведения, имеющих отношение к таким ценностям как скромность, вежливость, воспитанность и под., не требовал опоры на (потенциально) объединяющее этот набор в некую целостность представление о приватности. Некоторые же аспекты приватности в современном западном ее понимании – прежде всего, всё что касается разглашения информации о личной сфере человека – оказывались и вовсе неактуальны для этой культуры, практиковавшей разные формы коллективного контроля повседневной (в том числе и «личной») жизни индивида. Этот индивид всегда был готов предстать «перед лицом своих товарищей» ; он привык без возражений предъявлять свой паспорт, где имелась, среди прочего, запись о национальности – такая же, как в классном журнале, где кроме национальности были указаны еще и хронические болезни.

Еще одно – потенциально разрушительное для теоретических построений – соображение состоит вот в чем. Культурные установки, категории и ценности не определяют наблюдаемое поведение исчерпывающим образом. Возможно, что если бы условия (количество жилплощади и комнат в расчете на человека, состав соседей, благосостояние, наличие специального места для сушки белья и т.п.) были иными, вне давления тесноты и бедности мы наблюдали бы значительно отличающееся поведение тех же самых людей, которое опиралось бы, однако, на те же самые культурные категории. Это соображение, впрочем, сомнительно.